

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СССР В ПЕРИОД ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (1985 – 1991 ГГ.)

С. В. Богданов, В. Н. Орлов

PARTICULARITIES OF THE DEVELOPMENT OF ECONOMIC CRIMINALITY IN THE USSR AT PUBLIC TRANSFORMATION PERIOD (1985 – 1991)

S. V. Bogdanov, V. N. Orlov

В статье рассматриваются противоречия социально-экономического и политико-правового характера, которые обусловили рост экономической преступности в СССР во второй половине 1980-х гг. Автор обосновывает предположение о негативных последствиях для советской планово-централизованной модели фактической легализации теневой экономики в виде кооперативов и индивидуально-трудовой деятельности.

This article deals with the main economic, social, political and legal contradictions contributing to the increasing growth of economic crime in the USSR during the second half of 1980s. It suggests the reasons for the negative consequences for the Soviet planning centralized model of the actual shadow economy legalization in the form of cooperatives and individual activity.

Ключевые слова:

перестройка, спекуляция, хищения государственной собственности, растраты, взяточничество, антиалкогольная кампания, экономическая преступность.

Key words:

perestroika, black marketing, embezzlement of state property, defalcations, bribery, anti-alcohol campaign, economic crime.

Перестройка, осуществление которой связано с именем избранного в марте 1985 г. нового Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, оказала действительно революционное воздействие на все сферы жизни советского общества. Спустя два года, выступая на январском пленуме ЦК КПСС 1987 г., М.С. Горбачев признал, что масштаб проблем, стоящих перед страной и ее руководством, оказался куда большим, чем он предполагал [1].

Однако наряду с весьма позитивными преобразованиями, такими как гласность, демократизация, попытки обратить внимание на застаревшие острые проблемы, снижение уровня военного противостояния с Западом и угрозы глобального межблокового конфликта, целый ряд мероприятий объективно способствовал дальнейшей криминализации советской экономической системы и общественных отношений.

Среди этих факторов можно назвать условия, в которые были поставлены узаконенные индивидуально-трудовая деятельность и кооперативные формы предпринимательской деятельности. Данные явления имели далеко идущие последствия — фактическую легализацию «теневой» экономики в стране. Постепенно были сняты запреты на частнопредпринимательскую деятельность. Государство начало прогрессивно утрачивать контроль над экономикой и социальными процессами.

Приняв в 1986 г. Указ Президиума Верховного Совета СССР о борьбе с нетрудовыми доходами, государство, с другой стороны, спустя два года пошло на разрешение индивидуально-трудовой деятельности и кооперативов [2]. Фактически это означал вывод из «тени» части нелегальных производств, капиталов и частной инициативы.

Возрождение кооперативного движения и разрешение индивидуально-трудовой деятельности в стране мыслились как приводные механизмы, которые способны насытить рынок потребительскими товарами, необходимыми услугами.

Дополнительный приток товаров должен был решительно сократить дефицит, стабилизировать ситуацию с потребительским спросом. Однако эти пожелания так и остались в планах руководителей государства. Ситуация развивалась в диаметрально противоположном направлении.

Тогда же началось активное изучение исторического опыта организации кооперации в России. Стали публиковаться ранее спрятанные в спецхраны книги, документы по вопросам кооперации, монографические исследования, научные статьи исторической и экономической проблематики [3].

Все экономические союзные законы до и после закона о кооперации готовились правительственным аппаратом и выражали его интересы. Роль кооперации аппарат видел в том, что она будет дополнять государственный сектор, поможет сбалансировать потребительский рынок. Этот закон для высшей государственной бюрократии представлялся не столь значимым, поэтому его доверили составить группе ученых во главе с академиком В. Тихоновым. Однако разрешение индивидуально-трудовой деятельности и кооперативов на самом деле оказало серьезное влияние на развитие советского общества.

В период с 1988 по 1990 гг. увеличивались и количество кооперативов, и численность их работников. Однако в этот же период снижалась доля продукции, реализованной населению.

В выступлении председателя КГБ СССР В.А. Крючкова на XXVIII съезде партии прозвучала следующая оценка кооперативного движения:

«На 1 июня 1990 г. в стране действовало около 200 тыс. кооперативов, в сфере деятельности которых занято 4,5 млн человек. Это по официальным учетам. Фактически в этих кооперативах было занято людей больше. Кооперативный сектор развивается, но пока еще не содействует стабилизации потребительского рынка. Более того, рост фонда оплаты труда работающих в кооперативах обостряет инфляционные процессы в стране. Около четырех пятых всех кооперативов создано при предприятиях, организациях, у которых они арендуют основные фонды и приобретают большую часть сырья и материалов.

Органами КГБ сейчас расследуется немало дел, связанных с организованной преступностью. Так, по одному из них, находящемуся в производстве московского управления КГБ, арестованы 6 человек из числа работников банковской системы и кооператива за финансовые операции по превращению безналичных денежных средств в наличные и хищения в особо крупных размерах. По делу изъято денег и ценностей, полученных преступным путем, на сумму более 5 млн рублей» [4].

Согласно выводу диссертационного исследования С.А. Величко (2007), попытка возродить в СССР кооперативное движение не принесла положительных результатов. Созданные в годы перестройки кооперативы стали заниматься не производством, а перепродажей, что приводило к вымыванию из государственной торговли дешевых товаров и увеличению дефицита. На IX Пленуме Омского обкома партии (18 декабря 1987 г.) было отмечено: «Сейчас у нас зарегистрировано 96 кооперативов, 60 из которых действует... Более 1100 граждан получили патенты и регистрационные удостоверения... Кооператив „Омега“ при объединении „Кружевница“ скупает в государственной торговле готовые трикотажные изделия и перелдывает их на шапочки, которые реализует на рынках города по спекулятивным ценам» [5].

Появление в массовом порядке «частника» и кооперативов вызвало неоднозначную реакцию в советском обществе. При опросе общественного мнения 45 % респондентов поддержали кооперативное движение благодаря легальной возможности «получать не лимитированные доходы в соответствии с трудовым вкладом». С другой стороны, большинство граждан обвиняло возникшие кооперативы в спекуляции и 40 % опрошенных выступили против них из-за реальной опасности роста имущественного расслоения [6].

Действительно, заработная плата кооператоров и промышленных рабочих за аналогичный вид деятельности стала резко различаться (соответственно 350 – 500 ру-

блей и 150 – 160 рублей) [7].

Значительный перекося в заработной плате в пользу кооперативного и «теневого» сектора экономики привел к оттоку квалифицированных кадров с государственных предприятий, организаций. Они фактически лишились самых мобильных и конкурентных специалистов, которых уже не привлекал сложившийся уровень оценки трудового вклада работников.

Еще одним из объективных следствий развития кооперации и индивидуально-трудовой деятельности являлась углубляющаяся имущественная и социальная дифференциация. Пользуясь полученной свободой предпринимательства, бесконтрольностью со стороны властных структур, многие из новых кооператоров в качестве приоритета своей деятельности поставили личное обогащение, уклонение от уплаты различных пошлин и налогов, запутывание бухгалтерской отчетности. Как отмечалось в научных публикациях начала 1990-х гг., если суммировать общие потери экономики за 1987 г., общую сумму вкладов населения в Сбербанке и возможные величины прибыли «теневого» сектора (около 240 млрд рублей), то выявляется сумма в 1 134,9 млрд рублей, фактически эквивалентная объему валового продукта, который составлял 1 465 млрд рублей [8].

Как отмечалось в коллективном исследовании «Смешанное общество. Российский вариант» (1999), «важнейшими итогами деятельности нового кооперативного предпринимательства были, во-первых, демонстрация того, что возможно вложение средств преимущественно самого населения в развитие производства и сферу услуг. Во-вторых, в ходе развития кооперации произошла легализация многих ранее теневых предпринимательских структур. Однако в то же время наблюдалось активное создание новых теневых конгломератов, куда было вовлечено и кооперативное и государственное хозяйство. В-третьих, было практически доказано, что в стране сохранились мощные социальные силы, включающие разные слои населения, готовые и способные развернуть широкую предпринимательскую деятельность в разных социально-экономических формах. Это означало наличие социальных основ движения страны к смешанной экономике и обществу смешанного типа» [9].

Таким образом, разрешение индивидуально-трудовой и кооперативной деятельности в СССР во второй половине 1980-х гг. имело довольно противоречивые последствия для экономической и социальной сферы страны, что сыграло немаловажную роль в разрастании хозяйственной преступности.

Одним из проявлений сползания страны к национальной катастрофе явилось серьезное обострение криминальной обстановки. С начала перестроечных процессов и до краха СССР ситуация с преступностью развивалась по нарастающей. Исключение составили лишь 1986 и 1987 гг., когда государственные органы предприняли значительные усилия по борьбе с пьянством и алкоголизмом, нетрудовыми доходами, должностными злоупотреблениями, хищениями социалистической собственности. На статистических показателях это отразилось следующим образом. В 1985 г. в стране было зарегистрировано 2 083 501 преступление, в 1986 г. – 1 987 283, в 1987 г. – 1 799 549, в 1988 г. – 1 867 549; в 1989 г. – 2 461 692, в 1990 г. – 2 786 605 преступлений [10].

Примечательным оказывалось и то, что даже внутри столь непродолжительного хронологического отрезка советской истории (1986 – 1990 гг.) наименьшее количество преступлений (1 798 549) зарегистрировано в 1987 г. Безусловно, это явилось следствием масштабной антиалкогольной кампании. Но уже в 1988 г. вновь возросла криминальная активность в советском обществе. В этом году было зафиксировано на первый взгляд незначительное увеличение количества зарегистрированных преступлений – чуть более 10 %. В 1989 г. прирост составил уже 13,1 % в сравнении с 1988 г. и 136,8 % по отношению к 1987 г. В 1990 г. он продолжился и составил 11,3 % и 15,5 % соответственно.

Рост преступность этот период наблюдался не только в абсолютных величинах, но и в расчете на 100 тыс. населения. Например, в РСФСР в 1985 г. данный по-

казатель составил 991 преступление; в 1988 г. – 860,6; в 1989 г. – 1 098,5; в 1990 г. – 1 245,7; в 1991 г. – 1 466,7 преступлений [11].

Еще более ощутимыми показатели преступности в СССР оказались в сравнении с серединой 1960-х гг. Так, например, к 1991 г. в сравнении с 1965 г. число зарегистрированных в стране преступлений увеличилось почти в 4 раза. Ситуация усугублялась еще и тем, что темпы прироста преступности имели тенденцию к постоянному увеличению: в 1960-е гг. среднегодовой прирост равнялся 1,3 %, в 1970-е гг. – 3,6 %, в 1980-е гг. – 5,4 %.

Во второй половине 1980-х гг. рост преступности наблюдался практически по всем видам: против личности, собственности, должностным преступлениям. Например, ситуация с зарегистрированными тяжкими преступлениями в РСФСР выглядела следующим образом. В 1989 г. здесь было выявлено 246 974 преступления, в 1990 г. – 282 965, в 1991 г. – 309 446 преступлений [12].

В середине 1980-х гг. следственными бригадами прокуратуры Союза ССР при исследовании ряда хищений в особо крупных размерах, других хозяйственных и должностных преступлений были выявлены группы расхитителей, представляющие собой качественно новое социальное явление – организованную преступность как опасный социальный институт, вполне самостоятельную управленческую систему [13].

Появление совместных предприятий способствовало возникновению новых схем хищений государственной собственности, когда под видом отходов иностранным фирмам реализовывались крупные партии металлов и промышленных изделий.

Хищения государственной собственности шли рядом со спекуляцией, довольно часто являясь взаимоувязанными компонентами крупномасштабных экономических преступлений. Либерализация внешнеэкономической деятельности в стране способствовала осуществлению отдельными кооперативами, организациями, совместными предприятиями крупных спекулятивных операций. Так, на предприятиях расхищалось сырье для перепродажи за границей. На вырученную валюту закупалась очень дефицитная в СССР импортная бытовая техника (телевизоры, видеомагнитофоны), которая затем реализовывалась через кооперативные, комиссионные магазины, спекулянтов.

Многочисленные факты подтверждали то, что в стране постоянно увеличивалось количество преступных посягательств на государственную собственность. По сведениям председателя КГБ СССР В.А. Крючкова, в 1989 г. в ходе проверок и ревизий было выявлено недочет, хищений и приписок в отчетности на общую сумму 468 млн рублей [14].

Властям казалось, что стоит провозгласить трудовой коллектив собственником предприятия, и сразу же возродится чувство хозяина, ответственности за имущество завода, магазина, колхоза или совхоза. Однако это оказалось утопией.

Проиллюстрируем сказанное на примере сельскохозяйственных предприятий Западной Сибири. Несмотря на то, что в рассматриваемом регионе на коллективном подряде и аренде к 1987 г. трудилось больше половины работников сельского хозяйства, потери рабочего времени хотя и сократились, но представляли собой внушительную величину. Только за 1987 г. прогулы и неявки с разрешения администрации составили по колхозам Западной Сибири 261 тыс. человеко-дней. Целодневные простои в этом же году в колхозах Алтайского края, Новосибирской, Омской и Тюменской областей составили 242 тыс. человеко-дней. В 1986 г. колхозы Новосибирской области дали прибыль 41 млн рублей, а потери от недочет, хищений, падежа, порчи и бесхозяйственности составили 63 млн рублей. За первые девять месяцев 1987 г. потери мясных продуктов составили 5,8 % от реализации мяса государству (в Чистоозерном районе – 19,6 %, в Кыштовском – 14,9 %, в Татарском – 11,8 %) [15].

В 1985 – 1986 гг. в стране развернулась массовая кампания по борьбе с «негативными явлениями» – взяточничеством, хищениями государственной собственности, различными хозяйственными преступлениями. Большой резонанс получили расследования фактов крупных хищений, растрат и приписок в Узбекистане. М.С. Горбачев в отчетном докладе ЦК КПСС XXVII съезду открыто говорил: «Пожалуй, в наиболее

острой форме негативные процессы, обусловленные отсутствием критики и самокритики, проявились в Узбекистане. Бывшее руководство республики, оторвавшись от жизни, взяло за правило говорить только о достижениях, замалчивать недостатки, а любые критические суждения вызывали нервную реакцию. В республиканской партийной организации ослабла дисциплина, в чести оказались лица, для которых единственным принципом стали беспринципность, собственное благополучие и карьеристские соображения. Получили распространение подхалимство, безудержное восхваление „старших по чину“. Все это не могло не сказаться на делах. Резко ухудшилось положение в экономике и социальной сфере, получили распространение разного рода махинации, хищения, взяточничество, грубо нарушалась социалистическая законность» [16].

Однако на снижение количества зарегистрированных растрат государственно-го имущества во второй половине 1980-х гг. оказал влияние преимущественно комплекс объективных явлений, а не государственная политика противодействия этому виду преступлений.

В данном контексте необходимо учитывать фактически масштабную легализацию «теневого» сектора экономики, которая произошла в результате снятия запретов с частнопредпринимательской и кооперативной деятельности. На базе государственной собственности стали создаваться негосударственные производственные структуры, т.е. началась ранняя приватизация. Хищение государственной или общественной формы собственности было ничто иное, как тайное завладение имуществом, в то время как переход части государственной собственности в пользование кооперативов был теперь совершенно узаконенным способом «увода» собственности из рук государства в частные руки.

Итак, хищения государственной собственности выступали мощной финансовой подпиткой «теневой» сектора советской экономики. Так, в ответ на кампанию борьбы с алкоголизмом выросли прибыли от самогонарения (ежегодно до 23 млрд рублей); доходы кооператоров, скрытые от налогообложения, составляли 1,4 млрд рублей; хищения имущества граждан, организаций – около 4,9 млрд рублей [17].

Оценивая отдельные статьи доходов «теневой» экономики, рассчитанные по данным массовой статистики социологических исследований, материалов анализа доходов домохозяйств и экспертным оценкам, Госкомстат СССР долю хищений государственного и общественного имущества в общем объеме криминальных капиталов определил: в 1989 г. – в объеме 8,3 % (4,9 млрд рублей), в 1990 г. – 5,4 % (5,4 млрд рублей) [18].

В целом, не смотря на снижение доли хищений в общем объеме доходов «теневой» экономики в 1990 г. в сравнении с 1989 г., в денежном выражении хищения возросли только за один год на 500 млн рублей. К этому еще необходимо добавить получившее масштабное распространение хищение бензина, запасных частей для техники, стройматериалов и т.д. Таким образом, хищения государственной собственности получили широкое распространение в условиях прогрессирующей эрозии политического режима в стране.

В отличие от таких видов корыстных преступлений в сфере экономики, как растраты и взяточничество, спекуляция на протяжении всего периода перестройки имела тенденцию к постоянному росту.

В 1990 г. в СССР было зарегистрировано 51 726 фактов спекуляции, что на 14,6 % оказалось больше, чем в 1989 г. По сравнению с 1961 г. их число возросло на 178,9 %, а с 1986 г. – на 26,1 %. При этом необходимо учитывать, что латентность данных явлений была весьма высокой [19].

Основной причиной постоянного воспроизводства спекуляции в советском обществе являлся год от года нарастающий дефицит на широкий круг товаров. Двадцать четвертого января 1986 г. министр торговли СССР Г.И. Ващенко представил в Совет Министров СССР докладную записку «О выполнении плана развития торговли за одиннадцатую пятилетку». Из его сообщения вырисовывалась следующая картина:

«Продажа продуктов животноводства... в большинстве регионов страны в истекшем году по-прежнему осуществлялась с использованием различных форм рациионирования. Не удовлетворялся спрос населения и на многие виды непродовольственных товаров... Обеспеченность розничной и оптовой торговли запасами товаров на 01.01.86 по сравнению с этой же датой прошлого года сократилась на 3 дня торговли... Ниже нормативов запасы почти всех основных продовольственных товаров, одежды, трикотажных, чулочно-носочных изделий и всех видов обуви» [20].

По данным отечественных социологов, 35 млн советских граждан постоянно пребывали в различных очередях. Дефицит постоянно порождал и укреплял «теневой» сектор экономики. Примерно 1,5 млрд рублей ежегодно граждане затрачивали на услуги всевозможных «теневиков», спекулянтов [21].

К концу 1980-х гг., как показывали исследования, в Москве обувь и одежду у спекулянтов покупали 63 % опрошенных [22].

В спекулятивные сделки все активнее стали вовлекаться молодые люди. Спекуляция для некоторых из них выступала более привлекательным, а главное – более доходным занятием, нежели работа на государственном предприятии, в учреждении или организации. Однозначно можно утверждать, что общественное сознание в СССР во второй половине 1980-х гг. все более «рыночнизировалось».

В документах партийных форумов уже открыто стала звучать проблема девальвации духовно-нравственных ценностей у части молодого поколения. На январском Пленуме ЦК КПСС 1987 г. констатировалось следующее: «Возросла прослойка, в том числе среди молодежи, для которых цель жизни свелась к материальному благополучию, к наживе любыми способами. Их циничная позиция приобрела все более воинствующие формы, отравляла сознание окружающих, породила волну потребительства» [23].

Однако вряд ли всплеск спекуляции в этот период можно свести исключительно к девальвации духовно-нравственных ценностей в советском обществе. Спекуляция подпитывалась двумя обстоятельствами: первое – фактическая легализация частнопредпринимательской деятельности с 1986 г., второе – все нарастающий дефицит на широкий круг товаров не только длительного пользования, но и повседневного спроса.

Легализация частнопредпринимательской и кооперативной деятельности в условиях жесткой плано-централизованной экономики изначально ставила данные организационные формы производственно-коммерческой деятельности в подчиненное положение по отношению к государственному сектору, тем самым способствуя массовым фактам противоправной хозяйственной деятельности. Отдельные предприимчивые граждане временно создавали кооперативы для проведения незаконных финансовых операций при посреднической деятельности. Лжекооперативы «делали» деньги, а не реальные товары, т.е. ничего не производили, но их руководители получали огромные доходы путем «перекачки» товаров из государственной торговли к потребителю. Кооператоры-перекупщики, скупая оптом товары у производителя значительно дешевле рыночной стоимости, создавали искусственный дефицит и в условиях свободных цен заметно завышали стоимость товаров широкого потребления при продаже.

Как свидетельствуют результаты исследований анализа обобщенной практики прокурорского надзора за соблюдением законов, в начале 1990-х гг. харьковские кооператоры-перекупщики совместно с должностными лицами парфюмерной фабрики умышленно создали в восточном регионе Украины искусственный дефицит зубной пасты. На «черном» рынке паста стоила от 2 до 3 рублей, при этом ее стоимость в государственных торговых учреждениях до спекулятивной аферы составляла от 40 до 80 копеек. Харьковская парфюмерная фабрика производила несколько видов зубной пасты, которую оптом скупали кооператоры-посредники. Они поставляли пасту на рынок, в государственные торговые учреждения восточных областей Украины, диктуя свои посреднические цены на товар, который не производили.

В целом, по экспертным оценкам доходы от перепродажи непродовольствен-

ных товаров по спекулятивным ценам в 1989 г. оценивались в размере 10,3 млрд рублей (или 17,4 % от всего объема «теневой» экономики в СССР), а в 1990 г. – 23,1 млрд рублей (или 23,2 % соответственно) [24].

С другой стороны, само государство открыло простор развитию частной инициативы в виде индивидуально-трудовой и кооперативной деятельности. Не случайно в период с 1983 по 1990 гг. судебная статистика фиксировала две тенденции в сфере частнопредпринимательской деятельности и коммерческого посредничества.

Первая: с 1983 по 1986 гг. в СССР наблюдался рост числа выявленных фактов частнопредпринимательской деятельности и коммерческого посредничества (с 993 преступлений в 1983 г. до 1 241 преступления в 1986 г.). Вторая: с 1987 г. началось снижение количества зарегистрированных фактов частнопредпринимательской деятельности и коммерческого посредничества (в 1987 г. – 867, в 1988 г. – 635, в 1989 г. – 483, в 1990 г. – 485 фактов).

Деятельность спекулятивных торгово-закупочных кооперативов по перераспределению товаров (сырья, продукции) устраивала за определенную плату руководство предприятий и коррумпированных чиновников региональных, республиканских и центральных ведомств.

По данным ЦСУ СССР, в условиях товарного дефицита частные лица, занятые в «теневом» секторе, получали около 1,5 млрд рублей прибыли, завышая цены на товары и услуги до 83 % от первоначальной стоимости [25].

Как сообщил на II Съезде народных депутатов СССР министр внутренних дел СССР В.В. Бакатин, за 1980 – 1987 гг. число руководителей, участвовавших в экономических преступлениях, увеличилось почти в 3 раза; счетно-бухгалтерских работников – в 2 раза; членов КПСС, избалованных во взяточничестве, – на 75 %; комсомольцев, совершивших спекуляцию, – в 4 раза [26].

Итак, с 1986 г. власть делала ставку на внедрение новых форм хозяйствования, среди которых оказались кооперация и индивидуально-трудовая деятельность. Это явилось фактическим выводом из подполья нелегальной экономики. Однако в условиях существенной пробуксовки реформ в государственном секторе экономики кооперативы и «индивидуальщики» были фактически изначально обречены на спекулятивные сделки, финансовые махинации и другие хозяйственные преступления.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. РГАНИ (Рос. гос. архив новейшей истории). Ф. 2. Оп. 5. Д. 45. Л. 3.
2. Закон СССР от 19 ноября 1986 г. «Об индивидуальной трудовой деятельности» // Решения партии и Правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1988. Т. 16, ч. 2. С. 489 – 499.
3. Коржихина Т. Судьбы кооперации // Социалистич. труд. – 1991. – № 9. – С. 73 – 76.
4. XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2 – 13 июля 1990 г.: стеногр. отчет. М.: Политиздат, 1990. Т. 2. С. 122.
5. Величко С.А. Общественно-политическая жизнь в Сибири в 1985 – 1991 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2007. С. 49.
6. Бабаева Л.В., Дмитриев А.В. Социальная справедливость в зеркале общественного мнения. М.: О-во «Знание» РСФСР, 1989. С. 22.
7. Стратегия обновления: новый социальный механизм. М.: Политиздат, 1990. С. 73.
8. Социальное развитие СССР: сб. ст. М.: Наука, 1990. С. 125.
9. Смешанное общество. Российский вариант. М.: Наука, 1999. С. 200.
10. Преступность и правонарушения в СССР: стат. сб.: 1989. М.: Юрид. лит., 1990. С. 10; Преступность и правонарушения в СССР: стат. сб.: 1990. М.: Юрид. лит., 1991. С. 9.
11. Долгова А. Преступность в России // Совет. юстиция. – 1993. – № 14. – С. 22.
12. Состояние преступности и прокурорский надзор в Российской Федерации в 1992 году // Законность. – 1993. – № 7. – С. 35.
13. Волобуев А. Криминология теряет проблему организованной преступности: выгода обоюдна // Изучение организованной преступности: российско-американский диалог. М.: Олимп, 1997. С. 107.

14. XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза. С. 122.
15. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири: 1960 – 1980-е гг. Новосибирск, 1991; Никулина Е.В. Зарождение и развитие коллективного подряда в сельском хозяйстве Западной Сибири (конец 50-х – середина 80-х гг.) // Социальная активность трудящихся советской сибирской деревни. Новосибирск, 1988; Ильиных В.А. Дисциплина труда в сельском хозяйстве Сибири в конце 70-х – середине 80-х гг. // Тенденции социального развития сибирской деревни в 80-е годы. Новосибирск, 1990.
16. XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февраля – 6 марта 1986 г.: стеногр. отчет: в 3 т. М.: Политиздат, 1986. Т. 1. С. 104.
17. Социальное развитие СССР: сб. ст. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 121.
18. Народное хозяйство СССР в 1990 г. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 50.
19. Преступность и правонарушения в СССР: стат. сб.: 1990. М.: Юрид. лит., 1990; Преступность и правонарушения в СССР: стат. сб.: 1990. М.: Юрид. лит., 1991. С. 78.
20. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации). Ф. 5446. Оп. 147. Д. 958. Л. 85.
21. Стратегия обновления. М.: Политиздат, 1990. С. 169.
22. Теневая экономика. М.: Экономика, 1991. С. 18.
23. Материалы Пленума ЦК КПСС, 27 – 28 января 1987 г. М.: Политиздат, 1987. С. 12.
24. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 50.
25. Материалы Пленума ЦК КПСС, 25 – 26 июня 1987 г. М.: Политиздат, 1987. С. 31.
26. Известия. – 1989. – 23 дек.

ББК 63(2Р-6-КБ)

КРЕСТЬЯНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Н.В. Варивода

PEASANT COLONIZATION OF CENTRAL CISCAUCASIA IN THE LAST QUARTER OF XVIIIth – FIRST HALF OF XIXth CENTURY

N.V. Varivoda

В данной статье исследуются некоторые аспекты крестьянской колонизации Центрального Предкавказья в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв., её причины и особенности. Автором рассматриваются правительственные меры по организации переселения крестьян в данный регион, выявляются основные колонизационные элементы, динамика численности переселенцев, места их выхода и размещения, прослеживается процесс образования новых селений.

Some aspects of the peasant colonization of the Central Ciscaucasia in the last quarter of XVIIIth – first half of XIXth century, its reasons and peculiarities are being analyzed in this article. Governmental endeavours to organize the immigration of peasants in the given region are being examined, the main colonization elements, the dynamics of the number of immigrants, the locations of their departure and allocation are being discovered, the process of the formation of new settlements is being traced.

Ключевые слова:

крестьянская колонизация, переселение, крестьяне, переселенцы, селение, Центральное Предкавказье, Кавказская губерния

Keywords:

the peasant colonization, immigration, peasants, immigrants, settlement, the Central Ciscaucasia, Caucasian province.

Крестьянская колонизация Центрального Предкавказья сильно изменила и этнический, и социальный, и хозяйственный облик края. Переселенческое движение стало одним из важнейших каналов формирования русского населения – много-